

Оркестр отработал из-под палочки

Зубин Мета в Москве

Коммерсантъ. - 2003 - 5 нояб. - с. 21.

гастроли дирижер

В рамках Фестиваля итальянской культуры в Москве дважды выступил оркестр *Maggio Musicale Fiorentino*. Оба раза коллективом управлял его художественный руководитель знаменитый дирижер **Зубин Мета**. Итальянскую культуру через венскую классику постигал **СЕРГЕЙ ХОДНЕВ**.

Вообще прошедшая неделя грозила превратиться в настоящий парад именитых дирижеров. В виде банального совпадения именно в эти несколько дней в Москву собрались Джеймс Левайн, Леонард Слаткин и — ближе к выходным — Зубин Мета. Причем первый был заявлен вместе с молодежным оркестром фестиваля в Вербье, а последний — вместе с подшефным оркестром фестиваля «Флорентийский музыкальный май». Концертная же реальность, однако, с самого начала смазала ожидаемые восторги. Оркестр фестиваля в Вербье выступил с амбициозной программой, но ужасающе слабо, да и Джеймс Левайн на этом концерте, прямо скажем, не блеснул. Леонард Слаткин, готовившийся выступить с Российским национальным оркестром, вообще заболел и не приехал.

Оставалась надежда только на Зубина Мету. В его случае, правда, была еще довольно неожиданная интрига с пресловутым Фестивалем культуры Италии. Особенным шумом его начало (несколько мероприятий этого фестиваля еще пройдут в Москве и Петербурге) не отличалось; в посольстве Италии, куда корреспондент «Б» обратился в поисках информации, сведениями делились как-то вяло и неуверенно. Главным же организатором в конце концов оказался Центр оперного пения Галины Вишневской, что трудно не расценивать как сюрприз: до сих пор на такую акцию, как привоз знаменитого оркестра во главе с дирижером-звездой (да еще на два концерта), центр еще не замахивался.

Первый концерт *Maggio Musicale Fiorentino* был целиком «русским» — «Шехерезада» Римского-Корсакова и «Весна священная» Стравинского. В ролях же были не

итальянским, как можно было предположить, а целиком «венским»: Симфония № 3 Бетховена («Героическая») и Первая симфония Брамса. Одна из самых известных симфоний Бетховена, судя по всему, доставляла Зубину Мете особенное удовольствие. И, как обычно в таких случаях и бывает, удовольствие дирижера, находящегося в своей стихии, незамедлительно донеслось до публики, слушающей управляемый им оркестр. Держался господин Мета (высокий, крепко сбитый, выглядящий лет на десять моложе своих шестидесяти семи) скорее сурово. Но с первых же взмахов его палочки (кстати говоря, весь концерт он отдирижировал наизусть, даже пустой пюпитр перед ним не стоял) дирижеру было очень радостно от того, что Бетховен — такой яркий композитор, что симфония его (чуть было не посвященная Наполеону Бонапарту) так стройна и величава. И оркестру тоже было радостно от того, что он эту стройность и величавость озвучивает, что он, оркестр, находится в такой отличной форме, что он никого не подведет (ни репутацию своего флорентийского фестиваля, ни нынешний московский фестиваль) и что он такой послушный. Не то чтобы из этой сплошной радости получалась сколько-нибудь ошеломляющая интерпретация. Скорее уж царилло ощущение делающей с удовольствием, но, так сказать, «покатанному», работы; острота ощущений невелика, но зато ко-

мар носа не подточит — оркестр был хотя и предсказуем, но умен и обаятелен. Что в «траурном марше» второй части, что в ловко сыгранном скерцо, что в довольно-таки сложном (и ритмически, и музыкально) финале.

По сравнению с «Героической», где ясный, твердый и четкий симфонический костяк не переставал ощущаться ни на минуту, Брамс оставлял чуточку менее цельное впечатление. Казалось, что исполнению, как ни странно, не хватает как раз той зажатости и пышного самолюбования, которыми дирижерская манера Зубина Меты так славится. Репутация-то оркестра и здесь была вне подозрений (несмотря на пару умело скрываемых проказ со стороны духовых), но романтическая многоречивость композитора, казалось, музыкантов обескураживала: под конец симфонии первоначальный энтузиазм куда-то делся, и протяженный финал со всей своей лирикой предстал совсем уж лишенным всякого обаяния.

Овации, конечно, были. Раскланивался господин Мета несколько чопорно, никаких воздушных поцелуев и сияющих улыбок публика не дождалась — как и слов приветствия. Впрочем, одно слово дирижер все-таки произнес. В очередной раз выйдя на поклон, он, поколебавшись, забрался на пульт, обернулся в зал и бросил: «Mozart». И оркестр с несколько дежурным изяществом заиграл увертюру к «Свадьбе Фигаро».